

Тройственный союзъ.

XXIX глава „Мемуаровъ“ (Gedanken und Erinnerungen) князя Бисмарка ¹⁾.

I.

Тройственный союзъ, къ созданію котораго я первоначально стремился послѣ франкфуртскаго мира, зондируя еще въ сентябрѣ 1870 г. изъ Мо почву для него въ Вѣнѣ и Петербургѣ, былъ союзомъ трехъ императоровъ съ предположительнымъ вступленіемъ въ него и монархической Италіи. Онъ направленъ былъ на борьбу, предстоящую, какъ я опасался, въ какой-нибудь формѣ между обѣими европейскими системами, которыя Наполеонъ назвалъ „республиканской“ и „казацкой“ и которыя я могъ бы по нынѣшнимъ понятіямъ охарактеризовать какъ систему порядка на монархической основѣ, съ одной стороны, и какъ социальную республику—съ другой. Антимонархическое развитіе постепенно или скачками по большей части ведетъ къ социальной республикѣ, пока населеніе, разочарованное создавшимся невыносимымъ положеніемъ, не становится воспримчивымъ къ насильственному возстановленію монархическихъ учреждений въ цезаристской формѣ. Предъ всякой жизнеспособной монархіей стоитъ задача избѣжать этого заколдованнаго круга или по возможности избавить отъ него ближайшія поколѣнія; и эту задачу я считаю болѣе важной, чѣмъ соперничество во вліяніи на обрывки народовъ (nationale Fragmente), населяющіе Балканскій полуостровъ. Если монархическія правительства утрачиваютъ пониманіе этой потребности въ единеніи, въ интересахъ государственнаго и обществен-

¹⁾ Для историческаго освѣщенія новѣйшей политики Германіи, приведшей къ войнѣ, мы уже указывали на страницахъ *Русской Мысли* на ту позицію, которую по отношенію къ Россіи занималъ князь Бисмаркъ. См. статью П. В. Струве „Судъ исторіи“ въ VIII—X книжкахъ *Русской Мысли*. Предлагаемая въ русскомъ переводѣ глава изъ мемуаровъ Бисмарка имѣетъ основное значеніе для характеристики его взглядовъ на отношенія между Германіей и Россіей.

наго порядка, а подчиняются шовинистическимъ настроеніямъ своихъ подданныхъ, то въ этомъ заключена опасность, что международныя соціальныя и революціонныя движенія, съ которыми предстоитъ бороться, сдѣлаются болѣе опасными, и что побѣда монархическаго порядка будетъ затруднена. Ближайшее страхованіе отъ этихъ движеній я искалъ съ 1871 года въ союзѣ трехъ императоровъ, стремясь вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы монархическое начало въ Италіи нашло себѣ прочную опору въ этомъ союзѣ. Я не лишенъ былъ надежды на длительный успѣхъ, послѣ того какъ въ сентябрѣ 1872 г. состоялось въ Берлинѣ свиданіе трехъ императоровъ, засимъ посѣщенія: въ маѣ слѣдующаго года моимъ императоромъ Петербурга, королемъ итальянскимъ Берлина, а въ октябрѣ императоромъ германскимъ—Вѣны. Первое помраченіе этой надежды въ 1875 г. было вызвано травлей князя Горчакова, который распространялъ ложь, будто мы собираемся напасть на Францію, прежде чѣмъ она залѣчитъ свои раны.

Во время люксембургскаго вопроса (1867 г.) я былъ принципиальнымъ противникомъ превентивныхъ войнъ, т.-е. наступательныхъ войнъ, которыя ведутся изъ опасенія, что впослѣдствіи пришлось бы вести ихъ съ лучше вооруженнымъ врагомъ. Согласно взглядамъ нашихъ военныхъ круговъ, было вполне вѣроятно, что мы побѣдили бы Францію въ 1875 г.; но не столь вѣроятно, что остальные государства остались бы при этомъ нейтральными. Если уже въ послѣдніе мѣсяцы до версальскихъ переговоровъ меня безпрестанно пугала опасность европейскаго вмѣшательства, то въ 1875 г. война съ Франціей имѣла бы видъ злонападенія, предпринятаго лишь для того, чтобы не дать оправиться Франціи, и это послужило бы удобнымъ предлогомъ прежде всего для англійскихъ гуманныхъ фразъ, а затѣмъ для того, чтобы Россія отъ политики, основанной на личной дружбѣ двухъ императоровъ, перешла къ холодной политикѣ государственныхъ интересовъ, каковая политика была рѣшающей въ 1814 и 1815 годахъ при отмежеваніи французской территоріи.

Вполнѣ естественно, что для русской политики существуетъ граница, за которую не можетъ итти умаленіе значенія Франціи въ Европѣ. Этотъ предѣлъ достигнуть былъ, думается мнѣ, франкфуртскимъ миромъ, и этотъ фактъ не былъ, пожалуй, осознанъ въ Петербургѣ въ 1870 и 71 году такъ ясно, какъ 5 лѣтъ спустя. Я сомнѣваюсь, чтобы русскій кабинетъ во время нашей войны ясно предвидѣлъ, что послѣ войны онъ будетъ имѣть своей сосѣдкой столь сильную и объединенную Германію. Я предполагалъ въ 1875 г., что на берегахъ Невы господствовало уже сомнѣніе въ томъ, правильно ли было дать дѣлу зайти такъ далеко, не вмѣшиваясь въ него.

Откровенная дружба и преклоненіе Александра II передъ его дядей

затушевывали неудовольствіе, которое уже ощущалось въ правительственныхъ кругахъ. Если бы мы хотѣли тогда возобновить войну, лишь бы не дать оправиться больной Франціи, то послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ конференцій для ея предотвращенія мы въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ во Франціи, несомнѣнно, очутились бы въ положеніи, котораго я боялся въ Версали при замедленіи осады. Война окончилась бы не заключеніемъ мира съ глазу на глазъ, а на конгрессѣ, какъ въ 1814 г., съ привлеченіемъ побѣжденной Франціи и при недоброжелательствѣ, которымъ мы были бы тогда окружены, быть можетъ, подъ руководствомъ какого-нибудь новаго Талейрана.

Уже въ Версаль я опасался, что участіе Франціи на лондонскихъ конференціяхъ для обсужденія пунктовъ парижскаго мира, касающихся Чернаго моря, можетъ быть использовано для того, чтобы съ дерзостью, обнаруженной Талейраномъ въ Вѣнѣ, насильственно втянуть германо-французскій вопросъ въ обсужденія конференціи.

На этомъ основаніи я, вопреки противоположнымъ предложеніямъ, шедшимъ съ разныхъ сторонъ, путемъ внѣшнихъ и внутреннихъ вліяній воспрепятствовалъ участію Фавра въ этой конференціи. Является спорнымъ, оказалась ли бы Франція въ 1875 г. столь слаба въ своей оборонѣ противъ нашего нападенія, какъ это полагали наши военные круги; вспомнимъ, что по франко-англо-австрійскому договору 3 января 1815 г. побѣжденная и отчасти еще занятая Франція, истощенная двадцатилѣтними войнами, готова была выставить для коалиціи противъ Пруссіи и Россіи сразу 150 тыс. человѣкъ, а затѣмъ еще 300 тыс. полевой арміи. Вѣдь 300 тысячъ бывшихъ въ нашемъ плѣну испытанныхъ солдатъ находились снова во Франціи; къ тому же за нашей спиной стояла бы Россія, не дружественно нейтральная по отношенію къ намъ, какъ въ 1815 г., а, пожалуй, враждебная. Изъ циркулярной телеграммы Горчакова ко всѣмъ русскимъ посламъ въ маѣ 1875 г. явствовало, что русская дипломатія уже получила инструкцію противождать нашей предполагаемой склонности нарушить миръ.

За этимъ эпизодомъ послѣдовали безпокойныя старанія русскаго государственнаго канцлера испортить наши и особенно мои личныя отношенія съ императоромъ Александромъ между прочимъ и тѣмъ, что при посредствѣ генерала Вердера онъ вынудилъ меня заявить, что мы не общаемъ нейтралитета на случай русско-австрійской войны. То обстоятельство, что русскій кабинетъ затѣмъ обратился непосредственно и секретно къ вѣнскому, означало опять новую фазу въ горчаковской политикѣ, которая не благоприятствовала моему стремленію къ монархическому консервативному тройственному союзу.

II.

Графъ Шуваловъ былъ совершенно правъ, когда говорилъ мнѣ, что мысль о коалиціяхъ для меня кошмарна. Мы вели побѣдоносныя войны противъ двухъ великихъ державъ Европы; необходимо было, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи одного изъ могущественныхъ противниковъ, побѣжденныхъ нами, устранить соблазнъ добиваться реванша въ союзѣ съ другими державами.

Для всякаго, знакомаго съ исторіей и съ галльскимъ характеромъ, ясно было, что рѣчь не могла здѣсь идти о Франціи; и если возможно было тайное рейхштадское соглашеніе безъ нашего согласія и вѣдома, то ничего невозможнаго не было въ старой кауницовской коалиціи Франціи, Австріи и Россіи, лишь только соответствующіе скрытые элементы въ Австріи приобрѣли бы господство. Они могли бы найти для себя точки опоры, исходя изъ которыхъ можно было бы оживить въ качествѣ фактора австрійской политики старое соперничество, старое стремленіе къ гегемоніи надъ германскимъ міромъ. При этомъ можно было бы опереться либо на Францію, сближеніе съ которой носилось въ воздухѣ въ эпоху Бейста и зальцбургскаго свиданія съ Людовикомъ Наполеономъ въ 1867 г., либо на Россію, какъ это обнаружилось въ тайномъ рейхштадскомъ соглашеніи. На вопросъ, какую поддержку могла бы ожидать Германія въ указанномъ случаѣ со стороны Англіи, я не хочу отвѣчать категорически простой ссылкой на исторію Семилѣтней войны и вѣнскаго конгресса; но я лишь считаю вѣроятнымъ, что безъ побѣды Фридриха Великаго Англія тогда еще раньше перестала бы защищать интересы короля Пруссіи.

Такимъ положеніемъ вещей властно диктовалась попытка ограничить возможность антигерманской коалиціи посредствомъ договорнаго укрѣпленія отношеній, по крайней мѣрѣ, съ одной изъ великихъ державъ. Выборъ могъ быть только между Австріей и Россіей, такъ какъ англійская конституція не допускаетъ заключенія союзовъ на определенный срокъ; союзъ съ одной Италіей въ противовѣсъ коалиціи трехъ остальныхъ державъ не могъ бы имѣть цѣны даже при условіи, что будущее поведеніе и судьба Италіи были бы независимы не только отъ Франціи, но и отъ Австріи. Чтобы уменьшить сферу коалиціи, оставался только указанный выше выборъ.

Матеріально болѣе сильнымъ я считалъ союзъ съ Россіей. Я и раньше считалъ этотъ союзъ надежнымъ, такъ какъ традиціонная династическая дружба, общность монархическихъ интересовъ, отсутствіе вслѣдствіе органическихъ противорѣчій въ политикѣ,—все это казалось мнѣ болѣе надежнымъ, нежели переменчивыя впечатлѣнія общественнаго мнѣнія въ венгерскомъ, славянскомъ и католическомъ населеніи габсбургской монархіи.

Абсолютно прочнымъ на продолжительное время не было ни одно изъ этихъ соглашеній, ни династическая связь съ Россіей, ни популярная въ силу нѣмецко-венгерской симпатіи связь съ Австріей. Если бы въ Венгріи возобладали разумныя политическія соображенія, то для этой смѣлой и независимой націи было бы ясно, что при своей относительной малочисленности она, какъ островъ въ огромномъ морѣ славянскихъ народностей, можетъ прочно держаться, только опираясь на нѣмецкій элементъ въ Австріи и Германіи. Но коштутскій эпизодъ, подавленіе вѣрныхъ государству нѣмецкихъ элементовъ въ Венгріи и еще другіе симптомы показали, что въ критическіе моменты самоувѣренность венгерскихъ гусаръ и адвокатовъ сильнѣе политическаго расчета и самообладанія. Вѣдь и въ мирныя времена иной мадьяръ не прочь послушать цыганскую пѣсенку о „Собака-нѣмецъ“!

Къ сомнѣніямъ о будущности австро-германскихъ отношеній присоединился недостатокъ политической зоркости, въ силу котораго нѣмецкій элементъ въ Австріи утратилъ связь съ династіей и гегемонію, выпавшую на его долю въ историческомъ развитіи. Поводъ къ заботамъ о будущности австро-германскаго союза давалъ, далѣе, вѣроисповѣдный вопросъ, воспоминаніе о вліяніи духовянковъ императорской семьи, возможность возстановленія отношеній съ Франціей на почвѣ католицизма, какъ только во Франціи наступило бы соотвѣтствующее измѣненіе въ формѣ и принципахъ государственнаго управленія. Между тѣмъ, нѣтъ никакой возможности учесть, насколько близко или отдаленно такое измѣненіе во Франціи.

Къ этому присоединилась, наконецъ, польская сторона австрійской политики. Мы не можемъ требовать отъ Австріи, чтобы она отказалась отъ оружія, которымъ она обладаетъ противъ Россіи, въ лицѣ своего покровительства польскому элементу (*in der Pflege des Polenthums*) въ Галиціи. Политика, приведшая въ 1846 г. къ тому, что австрійскіе чиновники назначали цѣны за головы польскихъ инсургентовъ, была возможна лишь потому, что Австрія оплачивала выгоды священнаго союза—союза трехъ восточныхъ державъ—соотвѣтствующимъ поведеніемъ въ юльскомъ и восточномъ вопросахъ, которое было какъ бы ея страховымъ взносомъ въ общемъ дѣлѣ. При наличности тройственнаго союза восточныхъ державъ Австрія могла выдвинуть на первый планъ свои отношенія къ русинамъ; съ его распаденіемъ для Австріи пріобрѣтало большій интересъ снисканіе симпатій польскаго дворянства на случай войны съ Россіей. Связь Галиціи съ австрійской монархіей вообще мѣтѣ тѣсна, чѣмъ Познани и западной Пруссіи съ прусскимъ королевствомъ. Австрійская провинція, открытая съ восточной стороны, искусственно извнѣ приклеена къ пограничной стѣнѣ Карпатъ, и Австрія могла бы отлично существовать и безъ нея, если-бъ она могла полу-

чить компенсацію въ районѣ Дунайскаго бассейна за потерю 5 или 6 милліоновъ поляковъ и русинъ. Планы такого рода—въ формѣ обмѣна провинцій, населенныхъ румынами и южными славянами, на Галицію и возстановленія Польши съ эрцгерцогомъ во главѣ—возникали не разъ въ официальныхъ и неофициальныхъ кругахъ во время крымской войны и въ 1863 г. Старыя же прусскія провинціи не отдѣлены отъ Познани и западной Пруссіи никакой естественной границей, и отказъ отъ нихъ былъ бы неосуществимъ. Поэтому вопросъ о будущности Польши является особенно труднымъ въ условіяхъ герmano-австрійскаго военнаго союза.

III.

Среди этихъ соображеній угрожающее письмо императора Александра (1879 г.) заставило меня принять твердое рѣшеніе въ интересахъ обороны и обезпеченія нашей независимости отъ Россіи. Союзъ съ Австріей былъ въ достаточной мѣрѣ популяренъ среди всѣхъ партій. У консерваторовъ—въ силу исторической традиціи, относительно которой позволительно сомнѣваться, можетъ ли она въ настоящее время считаться согласующеюся именно съ точкой зрѣнія консервативной партіи. Во всякомъ случаѣ, большинство консерваторовъ, несомнѣнно, считаетъ, что дружба съ Австріей соотвѣтствуетъ ихъ тенденціямъ, даже если бы временно между обоими правительствами происходило нѣчто вродѣ состязанія въ либерализмъ. Консервативный ореолъ австрійскаго имени перевѣшивалъ въ глазахъ большей части членовъ этой фракціи и впечатлѣніе частью уже преодолѣнныхъ, частью новыхъ шаговъ Австріи въ области либерализма и ея склонности при случаѣ сблизиться съ западными державами, особенно съ Франціей. Еще яснѣе были соображенія, заставлявшія католиковъ считать полезнымъ союзъ съ преимущественно католической великой державой. Что касается партіи національ-либераловъ, то закрѣпленный договоромъ союзъ новой германской имперіи съ Австріей представлялся ей путемъ, на которомъ можно приблизиться къ рѣшенію квадратуры круга 1848 г., не натыкаясь при этомъ на трудности, стоявшія на пути подлиннаго объединенія не только Австріи съ Пруссіей—Германіей, но и внутри самой австро-венгерской имперіи. Такимъ образомъ, идея союза съ Австріей не встрѣчала возраженій и вызывала большое сочувствіе во всѣхъ парламентскихъ сферахъ, кромѣ одной лишь социаль-демократической партіи, одобренія которой вообще не можетъ снискать никакое направленіе правительственной политики.

Еще со времени Римской имперіи традиціи международнаго права нѣмецкой націи и германскаго союза теоретически требовали (*wagen darauf zugeschnitten*) того, чтобы между всей Германіей и Габсбургской монархіей существовала государственно-правовая связь, которая

теоретически облызвала бы эти средне-европейскія страны къ взаимной поддержкѣ. Правда, практически ихъ политическая близость рѣдко проявлялась въ прежнюю историческую эпоху; но можно было бы въ отношеніи Европы и особенно Россіи съ полнымъ основаніемъ подчеркнуть, что длительный союзъ между Австріей и современной германской имперіей не представляетъ съ международно-правовой точки зрѣнія ничего новаго. Эти вопросы о популярности союза въ Германіи и о международно-правовомъ освѣщеніи стояли, однако, для меня на второмъ планѣ и принимались въ соображеніе лишь какъ вспомогательное средство на случай осуществленія союза. На первомъ планѣ стоялъ вопросъ, слѣдуетъ ли немедленно приступить къ этому осуществленію и въ какой мѣрѣ надлежитъ бороться съ вѣроятнымъ сопротивленіемъ императора Вильгельма, вытекавшимъ не столько изъ политическихъ соображеній, сколько изъ настроеній (*dem Gemüthsleben angehörten*). Основанія, диктовавшія намъ союзъ съ Австріей, при сложившемся политическомъ положеніи, казались мнѣ столь принудительными, что я стремился бы къ заключенію его даже и наперекоръ нашему общественному мнѣнію.

IV.

Когда императоръ Вильгельмъ отправился въ Александрово (3 сентября), я уже въ Гастейнѣ устроилъ встрѣчу съ графомъ Андраши, которая и состоялась 27 и 28 августа.

Послѣ того какъ я обрисовалъ ему положеніе вещей, онъ высказалъ свой выводъ въ слѣдующихъ словахъ: „Противъ русско-французскаго союза естественнымъ отвѣтнымъ ходомъ является австро-германскій союзъ“. Я замѣтилъ, что онъ формулировалъ этимъ вопросъ, для обсужденія котораго я и стремился къ нашему свиданію, и мы легко пришли къ предварительному соглашенію относительно чисто оборонительнаго союза противъ нападенія Россіи на одну изъ двухъ сторонъ. Напротивъ, мое предложеніе о распространеніи союза на случай и другихъ нападеній, кромѣ русскаго, не встрѣтило сочувствія у графа.

Послѣ полученія отъ его величества полномочія, доставшагося мнѣ не безъ труда, на вступленіе въ официальные переговоры, я съ этой цѣлью на обратномъ пути заѣхалъ въ Вѣну. Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Гастейна я отправилъ 10 сентября баварскому королю слѣдующее письмо.

„Гастейнъ, 10 сентября 1879 г.

„Вашему величеству угодно было однажды выразить мнѣ свое высочайшее удовлетвореніе по поводу проявленныхъ мною стремленій къ

обезпеченію мира для германской имперіи, равно какъ и дружбы съ обѣими великими сосѣдними державами—Россіей и Австріей. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ исполненіе этой задачи становилось все труднѣе, по мѣрѣ того, какъ русская политика все болѣе поддадала подъ вліяніе отчасти воинственныхъ, отчасти революціонныхъ тенденцій панславизма. Уже въ 1876 г. намъ неоднократно предъявлялось изъ Ливадіи требованіе, чтобы мы объявили въ связывающей насъ формѣ, останется ли германская имперія нейтральной въ случаѣ войны между Россіей и Австріей. Намъ не удалось уклониться отъ такого объявленія, и русская военная гроза предварительно перенеслась на Балканы. Достигнутые русской политикой успѣхи, благодаря этой войнѣ, оставшіеся значительными даже и послѣ конгресса, къ сожалѣнію, не охладили возбужденность русской политики въ такой мѣрѣ, какъ это представлялось бы желательнымъ для миролюбивой Европы. Стремленія Россіи продолжаютъ оставаться безпокойными и воинственными; вліяніе панславистскаго шовинизма на мнѣнія императора Александра усилилось; и вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ, къ сожалѣнію, попавшимъ рѣшительно въ немилость, подверглось обсужденію со стороны императора, и дѣло его рукъ—берлинскій конгрессъ. Руководящимъ министромъ въ Россіи, поскольку таковой вообще существуетъ тамъ въ настоящее время, является военный министръ Милютинъ. По его настоянію, сейчасъ послѣ заключенія мира, когда Россіи не угрожаетъ опасность ни съ чьей стороны, предприняты колоссальныя военныя приготовленія: несмотря на вызванныя войной финансовыя жертвы, составъ русской арміи увеличивается въ мирное время на 56,000, составъ *дѣйствующей западной* арміи почти на 400,000 человекъ. Эти военныя приготовленія могутъ быть направлены только противъ Австріи или Германіи, и размѣщеніе войскъ въ Царствѣ Польскомъ соотвѣтствуетъ такому предназначенію. А военный министръ открыто заявилъ передъ техническими комиссіями, ¹⁾ что Россія должна готовиться къ войнѣ „съ Европой“.

„Если несомнѣнно, что императоръ Александръ, не желая войны съ Турціей, все же подъ давленіемъ панславистскихъ вліяній рѣшился на ея веденіе и если та же партія усилила теперь свое вліяніе, такъ что агитация, которая стоитъ за ней, производитъ въ настоящее время на императора болѣе сильное и опасное впечатлѣніе, чѣмъ прежде, то можно справедливо опасаться, что ей вновь удастся добиться санкціи императора для дальнѣйшихъ военныхъ замысловъ противъ Запада. Европейскія осложненія, которыя могутъ встрѣтиться Россіи на этомъ

¹⁾ На которыя возложено было исполненіе нѣкоторыхъ постановленій берлинскаго трактата 13 іюля 1878 г.

пути, не испугаютъ такихъ министровъ, какъ Мплютинъ или Маковъ, если вѣрно (чего боятся въ Россіи консерваторы), что прогрессивная партія, пытаясь вовлечь Россію въ тяжелыя войны, стремится скорѣе къ внутреннему перевороту, нежели къ внѣшнимъ побѣдамъ.

„При такихъ обстоятельствахъ я не могу отказаться отъ убѣжденія, что миру въ будущемъ, и, пожалуй, близкомъ будущемъ, угрожаетъ опасность со стороны Россіи и *только* Россіи. Имѣющіеся у насъ результаты предпринятыхъ въ послѣднее время развѣдокъ, разслѣдованій, найдеть ли Россія въ случаѣ возникновенія войны поддержку во Франціи и Италіи, дали, правда, отрицательный результатъ. Италію слѣдуетъ считать безсильной, а Франція объявила, что она теперь не желаетъ никакой войны и въ союзѣ съ *одной* только Россіей не чувствуетъ себя въ достаточной мѣрѣ сильной для наступательной войны противъ Германіи.

„При такомъ положеніи Россія предъявила намъ въ теченіе послѣднихъ недѣль требованія, сводящіеся къ тому, что мы должны окончательно выбрать между Россіей и Австріей, предписатьъ представителямъ Германіи въ восточныхъ комиссіяхъ голосовать въ спорныхъ вопросахъ совмѣстно съ Россіей. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, правильное истолкованіе постановленій конгресса исходитъ отъ большинства, образованнаго изъ представителей Австріи, Англіи и Франціи, и поэтому Германія голосовала вмѣстѣ съ послѣдними, такъ что Россія остается въ меньшинствѣ, иногда вмѣстѣ съ Италіей, а иногда и безъ нея. Несмотря на то, что эти вопросы, какъ, напримѣръ, положеніе моста у Силистріи, разрѣшенная конгрессомъ Турціи военная дорога въ Болгаріи, управленіе почтой и телеграфомъ и споръ о проведеніи границы черезъ тѣ или нныя деревни, сами по себѣ, въ сравненіи съ миромъ великихъ державъ, представляются совершенно ничтожными, русскія требованія о томъ, чтобы мы по этимъ вопросамъ голосовали впредь уже не съ Австріей, а съ Россіей, сопровождались неоднократно недвусмысленными угрозами и указаніями на послѣдствія въ отношеніяхъ между обѣими странами, какія могутъ быть вызваны нашимъ отказомъ. Этотъ поразительный фактъ, совпавъ притомъ съ отставкой гр. Андраши, ²⁾ могъ вызвать опасеніе, что между Россіей и Австріей состоялось тайное соглашеніе, направленное противъ Германіи. Однако это опасеніе неосновательно: Австрія испытываетъ такое же неудоволь-

²⁾ Отставка, о которой просилъ графъ Андраши, въ принципѣ была принята императоромъ Францемъ-Иосифомъ 14 августа, но окончательное отрѣшеніе его оторчено было до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о замѣстителѣ. Графъ согласился исполнять еще нѣкоторое время свои функціи, чтобы довести до конца заключеніе союза съ Германіей. 8 октября была оглашена его отставка и назначеніе его преемникомъ Haumerle.

ствіе отъ безпокойной русской политики, какъ и мы, и, повидимому, склонна къ соглашенію съ нами ради общей обороны противъ возможнаго нападенія со стороны Россіи на одну изъ обѣихъ державъ.

„Я считалъ бы заключеніе такого соглашенія между германской имперіей и Австріей существенной гарантіей европейскаго мира и безопасности Германіи. Это соглашеніе имѣло бы цѣлью попрежнему неуконительно охранять миръ съ Россіей, а если, несмотря на это, на одну изъ обѣихъ державъ будетъ произведено нападеніе, то оказать другъ другу помощь. Опираясь на эту взаимную гарантію, обѣ имперіи могли бы вновь посвятить себя укрѣпленію союза трехъ императоровъ. Германская имперія въ союзѣ съ Австріей не была бы лишена поддержки со стороны Англии, и при миролюбивой политикѣ обѣихъ великихъ имперій могла бы гарантировать миръ Европѣ, опираясь на два милліона солдатъ. Чисто оборонительный характеръ этой взаимной поддержки обѣихъ нѣмецкихъ державъ не могъ бы имѣть ничего вызывающаго для кого бы то ни было, такъ какъ такая же взаимная гарантія уже дѣйствовала въ международномъ правѣ въ теченіе 50 лѣтъ на почвѣ германскаго союза 1815 г.

„Если подобное соглашеніе не состоится, то нельзя будетъ поставить Австріи въ вину, если она, подъ давленіемъ русскихъ угрозъ и безъ увѣренности въ Германіи, будетъ искать болѣе тѣсной связи либо съ Франціей, либо съ самой Россіей. Въ случаѣ осуществленія послѣдней возможности, Германія при своихъ отношеніяхъ къ Франціи оказалась бы совершенно изолированной на континентѣ. Въ случаѣ же, если бы Австрія нашла поддержку у Франціи и Англии, какъ въ 1854 г., Германіи оставалось опереться на одну Россію, и чтобы не остаться совершенно изолированной, она должна была бы связать себя съ ложными и опасными, какъ я боюсь, путями русской внутренней и внѣшней политики.

„Если Россія принуждаетъ насъ выбирать между нею и Австріей, то, я полагаю, Австрія означаетъ для насъ консервативное и миролюбивое, Россія же—ненадежное направленіе. Смѣю льстить себя надеждой, что ваше величество, въ согласіи съ мнѣ извѣстными политическими воззрѣніями вашего величества, раздѣлите высказанное мною убѣжденіе, и я былъ бы счастливъ, если-бъ могъ удостовѣриться въ этомъ.

„Трудности поставленной задачи и самп по себѣ велики, но онѣ еще въ значительной мѣрѣ увеличатся вслѣдствіе необходимости вести переговоры въ этомъ сложномъ и многостороннемъ дѣлѣ письменно отсюда, гдѣ я располагаю только своею собственной рабочей силой, подорванной предшествующимъ переутомленіемъ. По медицинскимъ сообщеніямъ я вынужденъ былъ продлить мое пребываніе здѣсь, но надеюсь, что послѣ 20-го с. м. я смогу совершить обратный путь черезъ

Вѣну. Если къ тому времени не удастся достигъ опредѣленности, по крайней мѣрѣ относительно, то будетъ, я боюсь, упущенъ благоприятный моментъ, а отставка Андраши не дастъ возможности предвидѣть, повторится ли когда-либо этотъ случай.

„Если я считаю своимъ долгомъ почтительнѣйше поставить ваше величество въ извѣстность относительно моихъ взглядовъ на положеніе и политику германской имперіи, то ваше величество благоволите милостиво принять во вниманіе, что графъ Андраши и я дали другъ другу взаимное обѣщаніе хранить въ тайнѣ вышеизложенный планъ и что до сихъ поръ только ихъ величества оба императора знаютъ о намѣреніяхъ своихъ руководящихъ министровъ установить взаимное соглашеніе“.

Привожу для полноты отвѣтъ короля и затѣмъ мое отвѣтное письмо на него.

„Мой дорогой князь фонъ-Бисмаркъ!

„Съ искреннимъ сожалѣніемъ узналъ я изъ вашего письма отъ 10 с. м., что успѣху вашего лѣченія въ Кссингенъ и Гастейнѣ мѣшала напряженная и волнующая дѣловая работа. Я съ величайшимъ интересомъ прочиталъ ваше подробное изложеніе современнаго политическаго состоянія и выражаю вамъ за него свою живѣйшую благодарность. Если между германской имперіей и Россіей возникнутъ военныя осложненія, то подобное *глубоко* прискорбное измѣненіе во взаимоотношеніяхъ обѣихъ имперій *очень больно* тронуло бы меня, и я предаюсъ еще надеждѣ, что удастся избѣжать такого оборота дѣла путемъ воздѣйствія въ миролюбивомъ направленіи на его величество русскаго императора. Но во всякомъ случаѣ, считаю своимъ долгомъ увѣрить васъ, что ваши стремленія установить тѣсную связь германской имперіи съ Австріей встрѣчаютъ мое полное одобреніе и мои усерднѣйшія пожеланія счастливаго успѣха.

„Съ пожеланіемъ, чтобы вы вернулись домой съ обновленными силами, соединяю охотно завѣренія о неизмѣнномъ особомъ къ вамъ уваженіи, съ которымъ остаюсъ

вашъ искренній другъ *Людвигъ*“.

Бергъ, 16 сентября 1879 г.

„Съ почтительнѣйшей благодарностью получилъ я милостивое письмо вашего величества отъ 16 с. м. и, къ моей радости, узналъ изъ него о вашемъ высочайшемъ одобреніи моихъ стремленій къ взаимному сближенію съ Австро-Венгріей. Что касается отношеній нашихъ къ Россіи, позволю себѣ всеподданнѣйше замѣтить, что опасность военныхъ осложненій, которая не только политически, но и чисто лично вызывала бы во мнѣ глубочайшее сожалѣніе, не угрожаетъ намъ, по моему

почтительнѣйшему разумѣнію, въ непосредственномъ будущемъ и, на оборотъ, придвинулась бы къ намъ вплотную лишь въ томъ случаѣ если Франція была бы готова къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ съ Россіей. Этого пока еще нѣтъ, и наша политика, въ согласіи съ намѣреніемъ его величества императора, попрежнему не оставляетъ заботъ об охранѣ и укрѣпленіи мира между нашей имперіей и Россіей путемъ воздѣйствія на его величество императора Александра. Переговоры заключеніи болѣе тѣснаго союза съ Австріей преслѣдуютъ лишь мирныя, оборонительныя задачи и, кромѣ того, цѣли развитія сосѣдскихъ торговыхъ отношеній.

„Предполагая покинуть завтра Гастейль, я надѣюсь въ воскресенье быть въ Вѣнѣ.

„Съ всеподданнѣйшей благодарностью за милостивый интересъ вашего величества къ моему здоровью, остаюсь съ глубочайшимъ почтѣніемъ всеподданнѣйшій слуга вашего величества

ф.-Бисмаркъ“.

V.

Предупредительное ко мнѣ отношеніе публики на станціяхъ по пути отъ Гастейна на Зальцбургъ и Линцъ укрѣпило меня въ сознаніи что я находился на чисто нѣмецкой территоріи и среди нѣмецкаго населенія. Въ Линцѣ толпа была такъ велика и ея настроеніе столь возбуждено, что я вынужденъ былъ изъ опасенія вызвать недоразумѣніи въ вѣнскихъ сферахъ задернуть занавѣси на окнахъ моего вагона, и реагировать ни на какія доброжелательныя манифестаціи по моему адресу и уѣхать, не показавшись изъ вагона. На улицахъ Вѣны меня встрѣтило такое же настроеніе: привѣтствія густо сомкнутыхъ массъ народа были такъ единодушны, что я, будучи въ штатскомъ платьѣ, попалъ въ стѣснительную необходимость проѣхать весь путь до гостиницы почти съ непокрытой головой. И въ теченіе проведенныхъ мною въ гостиницѣ нѣсколькихъ дней я не могъ показаться у окна, чтобы не вызывать дрѣжественныхъ демонстрацій со стороны людей, ожидавшихъ меня и проходившихъ мимо моего отеля.

Эти манифестаціи еще болѣе увеличились послѣ того, какъ императоръ Францъ-Иосифъ оказалъ мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ нельзя было не усмотрѣть недвусмысленно выраженнаго желанія населенія столицы и нѣмецкихъ провинцій, чрезъ котораго мнѣ пришлось проѣхать, вступить въ тѣсную дружбу съ новой германской имперіей,—дружбу, подѣ знакомъ которой стояло бы будущее обихъ великихъ державъ. Для меня не подлежало сомнѣнію, что это кровное родство вызывало къ себѣ такія же симпатіи и въ германской и

періи—на югѣ больше, чѣмъ на сѣверѣ, у консерваторовъ больше, чѣмъ у оппозиціи, на католическомъ западѣ больше, чѣмъ на протестантскомъ востокѣ.

Мнимо-вѣроисповѣдныя распри Тридцатилѣтней войны, просто политическія раздоры Семилѣтней и дипломатическое соперничество со смерти Фридриха Великаго и до 1866 г. не подавили этого родственнаго чувства, несмотря на присущую нѣмцу склонность бороться при всякой возможности со своимъ соотечественникомъ съ большимъ пыломъ, чѣмъ съ иностранцемъ.

Возможно, что славянское населеніе, въ лицѣ чеховъ, врѣзавшись клиномъ и отдѣливши исконное нѣмецкое населеніе коренныхъ австрійскихъ земель отъ сѣверо-западныхъ сородичей, ослабило дѣйствіе, обычно вызываемое треніями между живущими единоплеменниками-нѣмцами, подчиненными разнымъ династіямъ. Оно укрѣпило въ австрійскихъ нѣмцахъ германскій духъ, правда, скрытый, но не убитый тѣмъ осадкомъ, который неизбѣжно оставляютъ по себѣ историческія столкновенія.

Я встрѣтилъ у императора Францъ-Іосифа весьма милостивый пріемъ и готовность заключить съ нами союзъ. Чтобы обезпечить себѣ согласіе моего всемилостивѣйшаго повелителя, я уже въ Гастейнгѣ проводилъ ежедневно у письменнаго стола часть времени, предназначеннаго для лѣченія, и доказывалъ, что необходимо было бы ограничить кругъ возможныхъ коалицій, направленныхъ противъ насъ, и что цѣлесообразный путь къ этому—союзъ съ Австріей. Я имѣлъ, конечно, мало надежды на то, что мертвая буква моихъ разсужденій измѣнитъ воззрѣнія его величества, основанныя болѣе на настроеніяхъ, чѣмъ на политическихъ соображеніяхъ.

Заключеніе договора, цѣль котораго, хотя бы оборонительная, но все же военная, была бы выраженіемъ недовѣрія къ другу и племяннику, съ которымъ онъ недавно въ Александровѣ съ полной чистосердечностью, со слезами на глазахъ обмѣнялся увѣреніемъ въ давнишней дружбѣ, слишкомъ не соответствовало чувствамъ, съ которыми императоръ относился къ своему державному другу. Я, правда, не сомнѣвался, что императоръ Александръ обнаруживалъ ту же откровенность и честность чувства, но я зналъ, что онъ не обладалъ ни остротой политическаго сужденія, ни работоспособностью, которыя предохраняли бы его отъ скрытыхъ вліяній его окружающихъ; на него нельзя было также въ такой мѣрѣ полагаться въ личныхъ отношеніяхъ, какъ на моего государя. Откровенность, которую всегда обнаруживалъ (въ хорошемъ и дурномъ) императоръ Николай, не перешла всецѣло на болѣе мягкую натуру его наслѣдника; также и въ отношеніи женскихъ вліяній независимость сына была не на той высотѣ, что у отца. А между тѣмъ, единственной гарантіей прочности русской дружбы служить личность

царствующаго императора, и поскольку послѣдняя представляет собою менѣе надежную основу, нежели Александръ I, обнаружившій такую вѣрность прусскому королевскому дому, которой не всегда можно ожидать отъ этого трона, постольку не всегда можно рассчитывать, что союзъ съ Россіей въ случаѣ нужды въ немъ удовлетворитъ насъ въ полной мѣрѣ.

Уже въ прошломъ столѣтїи опасно было рассчитывать на принудительную силу договорнаго текста, когда измѣнялись условія, при которыхъ онъ былъ составленъ. А въ наше время едва ли мыслимо, чтобы правительство великой державы предоставило силу своей страны для поддержки дружественной державы, если убѣжденіе народа не одобряетъ этого. Поэтому словесный текстъ договора, обязывающій къ веденію войны, не представляетъ теперь такихъ гарантій, какъ во времена кабинетныхъ войнъ, которыя велись съ войсками въ 30—60 тыс. человѣкъ; теперь трудно было бы осуществить династическую войну, какую велъ Фридрихъ Вильгельмъ II въ Голландіи за своего зятя, и нелегко создать условія для войны, какую Николай велъ въ Венгріи въ 1849 г. Однако въ моменты, когда нужно добиться начала войны или избѣгнуть ея, содержаніе яснаго и многозначительнаго договора не лишено вліянія на дипломатію. Обыкновенно даже у софистическихъ и насильствующихъ (*gewalthätigen*) правительствъ нѣтъ готовности къ прямому нарушенію слова, и къ этому можетъ склонить лишь *force majeure* насущно-необходимыхъ интересовъ.

Всѣ соображенія и аргументы, которые я изъ Гастейна, изъ Вѣны и затѣмъ изъ Берлина письменно приводилъ императору, находившемуся въ Баденѣ, не имѣли желаннаго дѣйствія. Чтобы получить согласіе императора на договоръ, проектъ котораго былъ составленъ мною совмѣстно съ Андраши и условно, на случай согласія императора Вильгельма, одобренъ императоромъ Францемъ-Иосифомъ, я былъ принужденъ обратиться къ весьма тягостной для меня постановкѣ кабинетнаго вопроса, и мнѣ удалось привлечь на мою сторону моихъ коллегъ. Такъ какъ я былъ слишкомъ утомленъ отъ напряженія послѣднихъ недѣль и преждевременнаго прекращенія гастейнскаго лѣченія, чтобы самому совершить путешествіе въ Баденъ-Баденъ, то это взялъ на себя графъ Штольбергъ; ему удалось, несмотря на сильное сопротивленіе его величества, счастливо довести переговоры до конца. Императоръ не былъ убѣжденъ политическими аргументами, но высказалъ обѣщаніе ратифицировать договоръ только во избѣжаніе личныхъ перемѣнъ въ составѣ кабинета. Кронпринцъ съ самаго начала былъ оживленнымъ поборникомъ союза съ Австріей, но онъ не пользовался вліяніемъ на отца.

Императоръ считалъ своимъ рыцарскимъ долгомъ конфиденціально освѣдомить императора Россійскаго о томъ, что если онъ затронетъ

одну изъ сосѣднихъ державъ, то будетъ имѣть противъ себя оба государства, чтобъ императоръ Александръ не находился въ заблужденіи, что можно напасть на одну Австрію. Опасеніе это казалось мнѣ необоснованнымъ, такъ какъ петербургскій кабинетъ уже изъ нашего отчета на вопросъ, обращенный къ намъ изъ Ливадіи, долженъ былъ знать, что мы не допустили бы паденія Австріи; такимъ образомъ, договоръ съ Австріей не создавалъ новой ситуаціи, а лишь легализовалъ существующую.

VI.

Возобновленіе кауницовской коалиціи было бы для Германіи, покольку она оставалась бы единой и умѣло вела войны, хотя и не безнадёжной, но все же очень серьёзной комбинаціей. По возможности предостеречь себя отъ нея не должно быть задачей нашей внѣшней политики. Если бы объединенная австро-германская сила по прочности своей связи и по единству своей политики была бы такъ надежна, какъ сила Россіи и Франціи, каждая въ отдѣльности, то я бы не считалъ жизненно-опаснымъ для насъ одновременное нападеніе обоихъ нашихъ сосѣдовъ, даже если оставить въ сторонѣ третьяго союзника—Италію. Но когда въ Австріи сильнѣе, чѣмъ прежде, даютъ себя знать антигерманскія теченія на національной или религіозной почвѣ, когда къ тому присоединяются русскіе соблазны и предложенія въ области вѣрной политики, какъ во времена Екатерины и Иосифа II, когда итальянскія вождельніи угрожаютъ владѣніямъ Австріи на Адриатическомъ морѣ и требуютъ готовности ея вооруженныхъ силъ, подобно тому, какъ это было при Радецкомъ,—при всѣхъ этихъ условіяхъ борьба, возможность которой мнѣ представляется, стала бы уже неравной. Нѣтъ надобности говорить, насколько болѣе опаснымъ явилось бы положеніе Германіи, если представить себѣ Австрію, по возстановленіи монархіи съ Франціи, вмѣстѣ съ послѣдней и въ согласіи обѣихъ съ римскою курией—въ лагерѣ нашихъ противниковъ съ намѣреніемъ устранить результаты 1866 года.

Это пессимистическое представленіе, отнюдь однако не фантастическое и не лишённое основанія въ прошломъ, заставило меня поставить вопросъ, не является ли желательнымъ органическій союзъ между германскою имперіей и Австро-Венгріей, который не могъ бы быть распорядкомъ (kündbar), какъ обыкновенные договоры, а былъ бы инкорпорированъ въ законодательство обоихъ государствъ и могъ бы быть отмененъ лишь посредствомъ новаго законодательнаго акта одного изъ государствъ.

Такая гарантія заключаетъ въ себѣ что-то успокоительное для насъ; будетъ ли она столь же надежной въ вихрѣ событій, въ этомъ

позволительно сомнѣваться, если вспомнить, что теоретически гораздо болѣе крѣпкая организація священной римской имперіи не могла никогда обезпечить единства нѣмецкой націи, и что мы были бы не въ состояніи найти для нашего отношенія къ Австріи договорный модуль, заключающій въ себѣ болѣе прочную связующую силу, нежели прежніе договоры союза, согласно которымъ сраженіе подъ Кениггрецомъ было теоретически невозможно.

Прочность всѣхъ договоровъ между великими державами оказывается условной, какъ только она подвергается испытанію „въ борьбѣ за существованіе“.

Ни одна великая нація не станетъ жертвовать своимъ существованіемъ во имя договорной вѣрности, если она силою вещей поставлена предъ такой альтернативой. Нельзя никакимъ пунктомъ договора лишать силы высшій принципъ: *ultra posse nemo obligatur*; и столь же мало можно посредствомъ договора обезпечить себѣ мѣру серьезности и энергіи, съ которой послѣдуетъ его осуществленіе, поскольку собственный интересъ исполняющей стороны уже не соотвѣтствуетъ подписанному тексту и его прежнему толкованію. Поэтому, если въ европейской политикѣ произойдутъ измѣненія, благодаря которымъ антинѣмецкая политика покажется государственнымъ спасеніемъ для Австро-Венгріи, то такъ же мало можно будетъ ждать отъ нея самопожертвованія ради вѣрности союзу, какъ мало можно было во время крымской кампаніи ждать выполнения долга благодарности, который былъ, пожалуй, важнѣе, нежели пергаментъ государственнаго договора.

Законодательно закрѣпленный союзъ былъ бы осуществленіемъ конституціонныхъ идей, которыя предносились въ церкви Павла ¹⁾ умѣреннымъ членамъ, защитникомъ болѣе узкаго имперско-германскаго (*Reichsdeutschen*) и болѣе широкаго австрійско-германскаго союза; и именно договорное обезпеченіе такихъ взаимныхъ обязательствъ является угрозой ихъ прочности. Примѣръ Австріи временъ съ 1850 до 1866 г. служилъ мнѣ предостереженіемъ, что политическіе векселя, которыя бывають соблазнъ подписывать въ расчетъ на такія отношенія, выходятъ за предѣлы кредита, который могутъ оказывать другъ другу въ своихъ политическихъ операціяхъ независимыя государства. Я полагаю поэтому, что измѣнчивый элементъ политическаго интереса и его опасностей есть необходимая подкладка для писанныхъ договоровъ, чтобы они могли быть прочными. Для спокойной же и консервативной австрійской политики союзъ съ Германіей есть самое полезное.

Опасности для нашего единенія съ Австріей, которыя кроются в

¹⁾ Церковь св. Павла—мѣсто засѣданія франкфуртскаго парламента 1848 г.

попыткахъ русско-австрійскихъ соглашеній въ духъ времени Иосифа II и Екатерины, или секретныхъ рейхштадскихъ соглашеній, можно парализовать, если мы, оставаясь вѣрными Австрій, оставимъ вмѣстѣ съ тѣмъ открытымъ путь изъ Берлина въ Петербургъ. Наша задача—удержать въ мирѣ обѣ сосѣднія намъ имперіи. Будущность четвертой великой династіи — итальянской—мы сможемъ обезпечить въ той мѣрѣ, въ какой намъ удастся держать въ единеніи всѣ три имперіи, и либо обуздать честолюбіе нашихъ обоихъ восточныхъ сосѣдей, либо удовлетворить ихъ обоюднымъ соглашеніемъ. Не только въ вопросѣ европейскаго равновѣсія для насъ необходимъ каждый изъ нихъ (мы бы не могли лишиться одного изъ нихъ, не подвергая себя опасности), но сохраненіе элемента монархическаго порядка въ Вѣнѣ и Петербургѣ—и на основѣ обоихъ также и въ Римѣ—есть для насъ въ Германіи задача, которая совпадаетъ съ сохраненіемъ нашего собственнаго государственнаго порядка.

VII.

Договоръ, который мы заключили съ Австріей для общей обороны отъ русскаго нападенія, есть договоръ *publici juris*. Аналогичный оборонительный договоръ между обѣими державами противъ Франціи неизвѣстенъ. Германо-австрійскій союзъ не заключаетъ въ себѣ такого же прикрытія противъ французскаго наступленія, которое угрожаетъ прежде всего Германіи, какъ противъ наступленія Россіи, болѣе вѣроятнаго противъ Австрій, нежели противъ Германіи. Между Германіей и Россіей не существуетъ никакой розни интересовъ, при которой были бы неизбежны зародыши конфликтовъ и разрыва. Съ другой стороны, согласныя потребности въ польскомъ вопросѣ и дѣйствіе традиціонной династической солидарности въ противовѣсъ революціоннымъ стремленіямъ создаютъ почву для общей политики обонхъ кабинетовъ.

Эта опора ослаблена была десятилѣтней фальсификаціей общественнаго мнѣнія со стороны русской прессы, которая въ читающей части населенія создала и питала искусственную ненависть противъ всего нѣмецкаго. Съ этимъ настроеніемъ династія должна считаться даже и тогда, когда императоръ хочетъ поддерживать нѣмецкую дружбу.

Однако враждебное отношеніе русскихъ къ германизму врядъ ли острѣе, чѣмъ такая же вражда чеховъ въ Богеміи и Моравіи, словенцевъ въ бывшей области германскаго союза и поляковъ въ Галиціи. Коротко говоря, если я въ выборѣ между русскимъ и австрійскимъ союзомъ предпочитаю послѣдній, то я отнюдь не закрываю глазъ на трудности, связанныя съ этимъ выборомъ. Я попрежнему считалъ необходимымъ поддерживать сосѣдскія отношенія съ Россіей на-ряду съ нашимъ

оборонительнымъ союзомъ съ Австріей; ибо у Германіи нѣтъ прочной гарантіи противъ крушенія избранной комбинаціи, но есть возможность сдерживать противогерманскія поползновенія Австро-Венгрии до тѣхъ поръ, пока нѣмецкая политика не разрушитъ мостъ, ведущій къ Петербургу и не создастъ непроходимой пропасти между ними и Россіей. Пока нѣтъ такого непоправимаго разрыва, для Вѣны остается возможнымъ держать въ уздѣ враждебные и чуждые нѣмецкому союзу элементы. Но когда разрывъ или даже только отчужденіе между нами и Россіей окажется непоправимымъ, въ Вѣнѣ возрастутъ притязанія къ нѣмецкому союзнику: во-первыхъ, въ смыслѣ расширенія *casus foederis*, который пока по опубликованному тексту распространяется лишь на защиту Австріи отъ нападенія Россіи, и, во-вторыхъ, въ смыслѣ требованія замѣнить указанный *casus foederis* представительствомъ австрійскихъ интересовъ на Балканахъ и на Востокѣ, что уже съ успѣхомъ пыталась дѣлать даже наша пресса. Естественно, что у обитателей Дунайскаго бассейна есть потребности и планы, которые выходятъ за нынѣшніе предѣлы Австро-Венгерской монархіи; и германское имперское устройство указываетъ на путь, какимъ Австрія можетъ достигнуть примиренія политическихъ и матеріальныхъ интересовъ, существующихъ между восточной границей румынскаго племени и бухтою Катарро. Но въ задачу германской имперіи не входитъ жертвовать достоинствомъ и кровью своихъ подданныхъ для осуществленія сосѣдскихъ желаній. Сохраненіе Австро-Венгерской монархіи, какъ независимой, сильной великой державы, является для Германіи потребностью европейскаго равновѣсія, ради которой при необходимости можетъ быть съ спокойной совѣстью нарушенъ миръ страны. Однако въ Вѣнѣ должны были бы воздержаться отъ попытокъ основывать на союзѣ, помимо этого страхованія, еще иныя притязанія, для которыхъ союзъ не созданъ.

Прямая угроза миру между Германіей и Россіей возможна лишь на почвѣ искусственнаго науськиванія или честолюбія русскихъ или германскихъ военныхъ вродѣ Скобелева, которые хотя въ войны, пока они еще не стары, чтобы въ ней отлпчиться. Требуется необычайная степень невѣжества и лживости въ общественномъ мнѣніи и въ прессѣ Россіи, чтобы думать и утверждать, что германская политика руководится агрессивными намѣреніями, заключаая австрійскій, а затѣмъ итальянскій оборонительный союзъ. Лживость эта — скорѣе польско-французскаго, а невѣжество — болѣе русскаго происхожденія. Польско-французская ловкость на почвѣ русскаго легковѣрія и невѣжества одержала побѣду надъ недостаткомъ такого рода ловкости, въ которомъ, смотря по обстоятельствамъ, заключается сила или слабость германской политики. Въ большинствѣ случаевъ открытая и честная политика плодотворнѣе, чѣмъ политическія хитросплетенія старыхъ временъ, но для

того, чтобы она удалась, требуется известная степень личного довѣрія, которое легче потерять, чѣмъ приобрести.

Никто не можетъ опредѣлить будущность самой Австріи съ увѣренностью, требуемою для длительныхъ и органическихъ соглашеній.

Факторы ея развитія столь же разнообразны, какъ и смѣшанныя въ ней народности, и къ развѣдающему, иногда взрывчатому дѣйствію этихъ факторовъ присоединяется неопредѣлимое воздѣйствіе, которое, въ зависимости отъ повышенія или пониженія римскихъ вліяній, могутъ оказать клерикальные элементы на руководящихъ политиковъ Австріи. Не только панславизмъ и Болгарія, или Боснія, но и сербскій, румынскій, польскій, чешскій вопросы и даже теперь еще итальянскій въ Триестѣ, Триентѣ и на Далматинскомъ побережьи могутъ стать кристаллизационнымъ пунктомъ не только для австрійскаго, но и для общеевропейскаго кризиса, который затрогиваетъ замѣтнымъ образомъ германскіе интересы, лишь поскольку Германія вступить съ Австріей въ отношенія солидарной отвѣтственности. Въ Богеміи распри между нѣмцами и чехами мѣстами уже такъ глубоко проникли въ армію, что въ нѣкоторыхъ полкахъ офицеры не общаются между собой и ѣдятъ отдѣльно. Непосредственно для Германіи существуетъ опасность быть вовлеченной въ тяжелую и опасную борьбу скорѣе на ея западной границѣ, вслѣдствіе поступательныхъ и завоевательныхъ склонностей французскаго народа, возвращенныхъ монархами со временъ Карла V въ интересахъ ихъ властолюбія.

Для насъ легче получить помощь Австріи противъ Россіи, чѣмъ противъ Франціи съ тѣхъ поръ, какъ между этими державами уже не существуетъ прежнихъ трений въ борьбѣ за Италію. Для монархической и католически настроенной Франціи, если бы таковая опять возродилась, не была бы потеряна надежда достигъ такихъ отношеній къ Австріи, какія существовали во время Семилѣтней войны и на вѣнскомъ конгрессѣ, передъ возвращеніемъ Наполеона съ Эльбы, какія угрожали въ польскомъ вопросѣ 1863 г. и какія имѣли шансы на осуществленіе въ Зальцбургѣ и Вѣнѣ во время крымской войны и при графѣ Бейстѣ съ 1866 г. по 1870 г. При возможномъ восстановленіи монархіи во Франціи взаимное, не ослабленное болѣе итальянскимъ соперничествомъ, притяженіе двухъ католическихъ великихъ державъ могло бы побудить предприимчивыхъ политиковъ къ попыткамъ возобновленія этихъ отношеній.

Въ сужденіи объ Австріи еще и теперь заблужденіе—считать невозможной враждебную въ отношеніи насъ политику, какая велась при Тугутѣ, Шварценбергѣ, Буолѣ, Бахѣ и Бейстѣ. Развѣ политика неблагоприятности, вмѣненной въ обязанность, какою хвастался Шварценбергъ по отношенію къ Россіи, не можетъ повториться въ другомъ направле-

ни? Политика, которая въ 1792 — 1795 г., когда мы были на полѣ битвы вмѣстѣ съ Австріей, готовила намъ замѣнательство и покинула насъ, чтобы сохранить силу противъ насъ въ польскихъ интригахъ, которыя уже почти съ успѣхомъ пытались навязать намъ войну съ Россіей, въ то время какъ мы, номинальные союзники, боролись противъ Франціи за германскую имперію,—политика, которая на вѣнскомъ конгрессѣ почти довела до войны между Россіей и Пруссіей? Поползновенія итти такимъ путемъ подавляются теперь, благодаря личной порядочности и вѣрности императора Франца-Иосифа, и этотъ монархъ не такъ ужъ молодъ и неопытенъ, какъ въ то время, когда онъ, подчиняясь личной мести графа Буоля противъ императора Николая, оказалъ политическое давленіе на Россію, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Виллагоша ¹⁾; но эта чисто личная гарантія отпадаетъ съ переменю лица, и элементы, бывшіе въ разныя эпохи носителями политическаго соперничества, могутъ добиться новаго вліянія. Расположеніе галиційскихъ поляковъ и ультрамонтанскаго духовенства къ германскому государству носить такой же переходящій и оппортунистическій характеръ, какъ и сознаніе чистокровнаго мадьяра о выгодѣ нѣмецкой опоры, побѣждающее его прирожденное презрѣніе къ швабамъ. Въ Венгріи, въ Польшѣ до сихъ поръ живы французскія симпатіи, и католическо-монархическая реставрація во Франціи могла бы воскресить въ духовенствѣ габсбургской монархіи отношенія, которыя получили свое выраженіе въ 1863 г. и въ 1866—70 гг. въ общей дипломатіи и въ болѣе или менѣе зрѣлыхъ соглашенияхъ. Порука противъ этихъ возможностей, лежащая въ личности императора Австріи и короля Венгріи, какъ указано, опирается только на одну личность; но предусмотрительная политика должна имѣть въ виду всѣ комбинаціи, лежащія въ предѣлахъ возможнаго. Возможность соревнованія между Вѣной и Берлиномъ за русскую дружбу можетъ такъ же легко возобновиться, какъ это было во время Ольмюца и какъ это сказывалось во время рейхштадскаго соглашения при очень расположенномъ къ намъ графѣ Андраши.

Принимая во вниманіе эту возможность, для насъ выгодно, что у Австріи и Россіи на Балканахъ противоположные интересы, и что между Россіей и Прусскою Германіей нѣтъ такой противоположности интересовъ, которая могла бы дать поводъ къ разрыву и войнѣ. Но это преимущество при современномъ государственномъ строѣ Россіи можетъ быть и теперь столь же легко уничтожено личными неудовольствіями и неумѣлой политикой, какъ легко остроты и злыя слова Фридриха Вели-

¹⁾ Виллагошъ — мѣсто, въ которомъ во время венгерскаго возстанія венгерскій главнокомандующій Гергей съ своей арміей 13 августа 1849 г. сдался русскимъ.

каго побудили императрицу Елизавету вступить въ франко-австрійскій союзъ противъ насъ. Въ наущивствѣ, въ обычномъ подстрекательствѣ Россіи, въ выдумкахъ и болтливости нынче также не будетъ недостатка при обояхъ дворахъ, но мы можемъ сохранить независимость и достоинство по отношенію къ Россіи, не провоцируя русскую обидчивость и не вредя интересамъ Россіи. Неудовольствіе и раздраженіе, вызванныя безъ нужды, нынѣ столь же мало останутся безъ вліянія на историческія событія, какъ и во времена русской императрицы Елизаветы и англійской королевы Анны. Но дѣйствіе вызванныхъ этимъ событій на благосостояніе и будущность народовъ теперь гораздо могущественнѣе, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ. Коалиція противъ Пруссіи, какъ въ Семилѣтнюю войну, Россіи, Австріи и Франціи, быть можетъ, еще въ связи съ другими династическими неудовольствіями, столь же опасна для нашего существованія, а для нашего благосостоянія, если она побѣдитъ, еще тяжелѣе, чѣмъ тогдашняя коалиція. Безразсудно и преступно разрушать изъ личнаго недоброжелательства мостъ, сближающій насъ съ Россіей.

Мы должны и можемъ честно хранить союзъ съ Австро-Венгерскою монархіей; это соотвѣтствуетъ нашимъ интересамъ, историческимъ традиціямъ Германіи и общественному мнѣнію страны. Но впечатлѣнія и зилы, подъ вліяніемъ которыхъ будетъ слагаться будущая вѣнская политика, сложнѣе, чѣмъ у насъ, благодаря разнообразію національностей, расхожденію ихъ стремленій, клерикальнымъ вліяніямъ и соблазнамъ, заключеннымъ для дунайскихъ странъ въ Балканахъ и Черномъ морѣ. Мы не должны покидать Австріи, но мы не должны также упускать изъ виду возможность, что вѣнская политика вольно или невольно покинетъ насъ. Германская политика, если она хочетъ исполнить свой долгъ, должна уяснить себѣ и постоянно имѣть въ виду возможности, которыя въ такихъ случаяхъ остаются для насъ открытыми, прежде чѣмъ онѣ наступятъ; оцѣнка этихъ возможностей не должна зависѣть отъ пристрастія или дурного настроенія, а только отъ объективнаго взвѣшванія національныхъ интересовъ.

VIII.

Я всегда ставилъ своей задачей заботиться не только объ огражденіи Германіи отъ нападенія Россіи, но и объ успокоеніи настроенія Россіи и о внушеніи вѣры въ неагрессивный характеръ нашей политики. До моей отставки мнѣ всегда удавалось, благодаря личному довѣрію императора Александра III, обезвредить недовѣріе, которое въ немъ постоянно возбуждалось чужеземными и русскими инсинуаціями, а иногда питалось и здѣшними теченіями въ военной средѣ. На Данцигскомъ рейдѣ, гдѣ

я его впервые увидѣлъ какъ императора, и при всѣхъ позднѣйшихъ встрѣчахъ, онъ мнѣ выказывалъ свою благожелательность, несмотря на распространенную ложь о берлинскомъ конгрессѣ и знаніе объ австрійскомъ соглашеніи. Его расположеніе получило въ Скерневицахъ и въ Берлинѣ автентичное выраженіе и покоилось на его довѣрїи къ мнѣ. Даже весьма убѣдительная по своей беззащитной дерзости интрига съ фальшивыми письмами, подсунутыми ему въ Копенгагенѣ, былъ тотчасъ обезврежена моимъ простымъ завѣреніемъ. Также удалось мнѣ при встрѣчѣ въ октябрѣ 1889 г. разсѣять его сомнѣнія, съ которымъ онъ прибылъ изъ Копенгагена, за исключеніемъ лишь одного — остаюся ли я министромъ. Онъ былъ, очевидно, болѣе осведомленъ, чѣмъ я, когда обратился ко мнѣ съ вопросомъ, увѣренъ ли я вполне въ моемъ положеніи при юномъ императорѣ. Я отвѣтилъ то, что тогда думалъ именно, что убѣжденъ въ довѣрїи ко мнѣ императора Вильгельма I и что я не предполагаю возможности отставки противъ своей воли, ибо его величество имѣетъ въ моемъ лицѣ трудно замѣнимаго слугу, благодаря моей долготѣлней опытности и довѣрїю, которое я завоевалъ въ Германіи и при иностранныхъ дворахъ. Императоръ выразилъ свое удовлетвореніе по поводу моей увѣренности, хотя, казалось, не раздѣлялъ ея безусловно.

Международная политика есть текучая стихія, которая становится при извѣстныхъ условіяхъ устойчивой, но, при переменѣхъ атмосферы, возвращается въ свое первоначальное агрегатное состояніе. Оговорки о *rebus sic stantibus* молчаливо подразумѣваются при государственныхъ договорахъ, обусловливающихъ извѣстныя дѣйствія. Тройственный союзъ есть стратегическая позиція, которая была умѣстна передъ лицомъ грозившихъ во время его заключенія опасностей и осуществимъ при наличныхъ обстоятельствахъ. Этотъ союзъ возобновлялся время отъ времени, и, можетъ быть, удастся его продолжить и далѣе; но вѣчно существованіе не можетъ быть обезпечено ни одному договору между великими державами, и было бы неблагоприятно разсматривать его какъ основу для всѣхъ возможностей, которыми въ будущемъ могли бы быть измѣнены условія, потребности и настроенія, вызвавшія его возникновеніе. Онъ означаетъ занятіе извѣстной стратегической позиціи въ европейской политикѣ сообразно положенію вещей во время его заключенія, но онъ такъ же мало представляетъ собой вѣчный и прочный при всѣхъ переменѣхъ фундаментъ, какъ многіе прежніе тройственные и четверные союзы послѣдняго столѣтія и въ особенности священный и германскій союзы. Онъ не избавляетъ отъ необходимости быть всегда на стражѣ. *Toujours en vedette!*

Пер. Я. Бушпанъ.